

C.B. CHAMPION. Cultural Politics in Polybius's Histories. Berkeley–Los Angeles–London: University of California Press. Hellenistic Culture and Society. 41. 2004. XV, 328 p.

При изучении взаимоотношений Рима с эллинистическим миром сложно пройти мимо такой проблемы, как восприятие данного феномена самими греками; немалые трудности представляет собой также выявление факторов, влиявших на это восприятие. Общеизвестно, что одним из главных источников по этой теме является произведение мегалопольца Полибия «Всеобщая история». Именно поэтому, вероятно, взгляды Полибия на римлян в контексте восприятия других народов греками эллинистического периода (с экскурсами в более ранние эпохи) стали объектом исследования в монографии американского исследователя Крэйга Чэмпиона «Культурная политика в “Истории” Полибия».

Автор монографии – преподаватель истории древнего мира и античности в университете города Сиракузы (США). В сферу интересов этого ученого входят история эллинистической Греции и Римской республики III–II вв. до н.э., историческая и политическая мысль того времени, а также проблемы формирования греческой и римской этнической и культурной идентичности. Таким образом, обращение исследователя к «Всеобщей истории» Полибия представляется вполне закономерным и логично проистекающим из его научных пристрастий.

Рецензируемая монография состоит из введения, трех частей, поделенных на параграфы, и заключения. Введение содержит постановку основной проблемы, анализируемой в книге. По мнению автора, Полибий уже с самого начала своего труда демонстрирует восприятие римлян как особой этнической общности с присущим ей набором коллективных характеристик. В свою очередь, взгляды историка на римлян не представляли собой какое-то изолированное явление, а были неразрывно связаны с представлениями греков эллинистического периода о римлянах в частности и других народах вообще. Набор данных представлений К. Чэмпион обозначает термином «культурная политика» и, кроме того, дает собственное определение слову «культура»: для него это – создание и репрезентация дискретных систем общественных процессов, приписываемых человеческим коллективам (с. 4).

Автор монографии четко заявляет свою методологическую позицию: он является сторонником так называемой контекстуальной герменевтики, согласно которой невозможно понять какой бы то ни было текст без знаний о политическом, идеологическом и социально-экономическом контекстах, в которых последний создавался. Исходя из такой установки, приверженцы данной методологии считают, что исследователь текста способен понять его более глубоко, нежели даже сам его автор (с. 9). Подобный подход развивается К. Чэмпионом в первом параграфе первой части – «Политическое подчинение и косвенная историография» (с. 15–29). По мнению автора, Полибий относится к числу так называемых «косвенных историков» (*indirect historians*), чьи труды и мысли можно понять, читая их «между строк». Это представляется более чем верным в случае с Полибием, что К. Чэмпион убедительно демонстрирует посредством внимательного изучения его жизненного пути (с. 24–29).

Во втором параграфе первой части анализируются восприятие греками других народов в широком историческом контексте (от Гомера до эллинизма) и в этой связи их отношение к римлянам (с. 30–63), а также механизмы взаимного культурного притяжения или, наоборот, отторжения. По мнению автора (впрочем, тут он не оригинален), дихотомия эллин–варвар имела скорее не этнический, а культурный смысл: по мнению греков, эллинизм – это синоним гражданского порядка и просвещенности, в то время как варварам, наоборот, свойственны грубость нравов, неорганизованность и тому подобные имманентно присущие им пороки. В то же время восприятие эллинами других народов сильно зависело от политической конъюнктуры, так что один и тот же этнос в разной ситуации мог восприниматься как варварский или же, наоборот, как весьма близкий к эллинам. Автор называет подобный подход «принципами полярности и аналогии». И эти представления, по мнению Чэмпиона, не могли не повлиять и на взгляды Полибия, изложенные в его труде.

Во второй части книги К. Чэмпион рассматривает такие проблемы, как восприятие и характеристика римлян самим Полибием (параграф: *Genos Politeiōn*: VI книга, Рим и эллинизм; с. 67–99), а также сравнение римлян с эллинами и особенно с ахейцами (параграф: *Akmē Politeiōn*: римские и ахейские добродетели – с. 100–143). Одна из основных идей автора заключается в том, что характеристики, применяемые греческим историком к тем или иным персонажам, ча-

сто являются воплощением «этнического характера» тех народов, представителями которых они являются (с. 104). Так, Ганнибал своей импульсивностью в начале II Пунической войны олицетворяет карфагенян¹, этолийский стратег Доримах – этолийцев, иллирийская царица Тевта – иллирийцев и т.п. Истоки такого подхода заключаются в склонности древних греков выводить особенности тех или иных народов из природно-биологических² (климат и рельеф той местности, где обитает народ, «этнический характер», который, по мнению древних греков, передавался по наследству), а также политических, социальных и культурных факторов (прежде всего уровня цивилизованности и близости или отличия общественных отношений от эллинского полиса), присущих им (с. 75–84).

На протяжении всех первых книг «Всеобщей истории» Полибий, по мнению К. Чэмпиона, восхищается римлянами и приписывает им почти что эллинские добродетели. Отчетливо прослеживается в начальных книгах труда Полибия также и сравнение римлян с ахейцами (как в характере самих этносов, так и при описании отдельных персоналий). Оба народа (и государства) являются для греческого историка воплощениями порядка, рационализма (с. 69–74, 95, 111, 112–114, 135–136) и тем самым противостоят варварству – как духовно, так и на поле сражений. Особенно ярко контраст между цивилизованными народами и варварами проявляется в военном деле. По мнению К. Чэмпиона, для греческого историка главной чертой варваров является иступленная ярость – θυμός, в то время как цивилизованным народам присуща продуманность в действиях – λογισμός (которой Полибий наделяет прежде всего именно ахейцев и римлян).

Именно подобным отношением объясняется, по мнению исследователя (с. 97–98), тот факт, что в VI книге своего труда греческий историк пишет о Риме в целом как о государстве, близком по устройству к греческому полису. Вместе с тем Полибий отмечает и отличия греческих обычаев и институтов от римских, – например, в рассказе о римской армии или похоронах знатных римлян (с. 93–94, 99). Как полагает К. Чэмпион (с. 95), Полибий восхищался римлянами, однако автор монографии не отмечает того факта, что греческий историк считал их чуждыми грекам.

В последнем параграфе II главы – «*Metabolē Politeiōn*: деградация римлян и ахейцев во фрагментарных книгах» (с. 144–169) К. Чэмпион во «Всеобщей истории» исследует картину упадка нравов как ахейцев, так и римлян. Особенно это относится к ахейцам, которые вообще деградировали в полуварварскую толпу, что способствовало, по мнению греческого историка, вовлечению Ахейского союза в самоубийственную войну с Римом, которая, как известно, привела всю Элладу к катастрофическим последствиям. Некоторый же упадок римских нравов выразился в ряде непорядочных акций во внешней политике (одной из которых, по мнению К. Чэмпиона, была III Пуническая война – с. 165).

В третьей части – «Идеологические и политические контексты» (с. 173–240), как это видно из ее названия, говорится о тех идейно-политических условиях, которые не могли не влиять на творчество Полибия. Так, например, высказывается точка зрения, что взгляд историка на упадок нравов современности и их противопоставление чистым и неиспорченным обычаям предков был вызван восприятием Полибием представлений римской аристократии во время его пребывания в Риме. Той же причиной была вызвана и неприязнь греческого историка к демагогическим настроенным политикам и низам общества вообще.

В Заключении (с. 235–239) автор делает выводы из всего приведенного им материала. Главный из них состоит в поиске ответа на принципиальный вопрос: кем же Полибий считал римлян – культурным народом, обладающим эллинскими добродетелями, или же варварами? К. Чэмпион полагает, что у греческого историка не было четко оформленного и неизменного мнения по этой проблеме: отношение Полибия к римлянам колебалось в зависимости от конкретных обстоятельств и отражало культурно-политическую ситуацию в эллинистическом мире того времени. Такой вывод может показаться несколько уклончивым, но все же он выглядит более

¹ Более подробно об этом см. с. 102–104, 117–121. Впрочем, эта точка зрения вызывает у нас определенные сомнения. Карфаген был прежде всего торговым государством, так что фигура Ганнибала – одного из величайших полководцев в мировой истории – для него все-таки не вполне типична.

² По мнению К. Чэмпиона (с. 76), подобные представления, при всей их внешней схожести, все-таки отличаются от расовых теорий Нового времени. Правда, в новейшем исследовании, специально посвященном этому вопросу, предлагается иная его трактовка: *Isaac B. The Invention of Racism in Classical Antiquity*. Princeton–Oxford, 2004.

адекватным, чем излишне прямолинейные суждения, высказываемые на этот счет порой и в отечественной историографии³.

Свою монографию автор снабдил тремя приложениями. В первом из них «*Metabolē Politeiōn*: охлократия и варварология (*barbarology*)» (с. 241–244) анализируются термины, используемые Полибием для обозначения варваров и бесноватой толпы. Вывод К. Чэмпиона (с. 241) заключается в том, что он выявляет сходство понятий, используемых историком относительно этих категорий. Во втором приложении «ВАРВАРОС в истории Полибия» (с. 245–254) содержится список всех употреблений греческим историком термина «варвар» с указанием контекста. В третьем приложении «ΛΟΓΙΣΜΟΣ в истории Полибия» (с. 255–259) анализируется применение Полибием этого понятия. Автор приходит к выводу, что для историка данное слово является одним из основных качеств, отличающих эллина и вообще представителя культурного народа от варвара (по отношению к которым указанный термин вообще ни разу не использовался).

Итак, какую же оценку мы можем дать рецензируемой книге? Большая заслуга автора монографии заключается в том, что он целенаправленно обращается к теме, пребывавшей до этого на периферии исследований⁴; другим плюсом исследования является то, что анализ идей Полибия проводится в широком историческом контексте. В целом обоснованным представляется нам и итоговый вывод книги, а именно: отношение Полибия к Риму и римлянам было дифференцированным и менялось в зависимости от обстоятельств, хотя он и проистекает из верного, но довольно тривиального представления, что истина обычно лежит где-то посередине между двумя крайностями.

Тем не менее некоторые положения, содержащиеся в монографии, вызывают у нас определенное возражение. Спорной, в частности, представляется точка зрения, согласно которой греческий историк имел двойственное отношение к III Пунической войне. По нашему мнению, Полибий однозначно поддерживал римлян в этом конфликте, аргументы в пользу чего привел уже Ф. Уолбэнк⁵. Об этом говорит также содержащаяся в разных источниках отрывочная информация о том, что греческий историк не просто находился при римской армии, а принимал деятельное участие в осаде и взятии Карфагена⁶, хотя, в принципе, римляне тут вполне могли обойтись без его услуг или, во всяком случае, непосредственного вовлечения в боевые операции. В пользу этой гипотезы косвенно свидетельствует даже материал, приводимый самим К. Чэмпионом об отношении греческого историка к карфагенянам, которое было в целом негативным (с. 102–111, 117–122).

Помимо этого нам представляется, что, хотя не следует игнорировать определенное влияние идеологической атмосферы Рима на взгляды Полибия, общий аристократический настрой греческого историка и, в частности, его презрение к черни, были порождены прежде всего той этнической и социальной средой, из которой он сам происходил (а это, бесспорно, была высшая аристократия Аркадии), а также общественно-политической ситуацией, существовавшей в то-

³ См., например: *Беликов А.П.* Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. Ставрополь, 2003. С. 265–266, где проводится мысль о том, что для Полибия (как, впрочем, и для всех греков эллинистического времени) характерно отношение к римлянам как к варварам.

⁴ Пожалуй, тематически и концептуально наиболее близка книге К. Чэмпиона основательная монография А. Экстайна: *Eckstein A.M. Moral Visions in the Histories of Polybius*. Berkeley, 1995. Что касается восприятия греческим историком других народов см. *Berger P. Le portrait les Celtes dans les Histories de Polybe // AncSoc. 1992. 23. P. 105–126; idem. La xénophobie de Polybe // REA. 1995. 97. P. 517–525*. Еще некоторую информацию о взглядах Полибия относительно римлян можно получить в следующих книгах и статьях: *Pedech P. La méthode historique de Polybe. P., 1964. P. 421–425; Candau-Moron J. Polybius and Plutarch on Roman Ethos // The Shadow of Polybius / Ed. by G. Schepens, J. Bollandsee. Leuven, 2005. P. 306–328; Walbank F.W. Polybius between Greece and Rome // Entretenues sur l'antiquité classique. 1974. 20. P. 1–31; idem. Polybius and Rome's Eastern Policy // JRS. 1963. 53. P. 1–13; Беликов. Ук. соч. С. 255–274. Наконец, нельзя не назвать монументальный труд: *Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I–III. Oxf., 1957–1979* – информация, касающаяся представлений Полибия о римлянах и других народах, разбросана по его страницам но, по понятным причинам, не носит обобщающего характера.*

⁵ *Walbank. A Historical Commentary ... Vol. III. P. 664*. Кроме того, об отношении греческого историка к III Пунической войне см. *Baronowski W. Polybius on the Causes of the Third Punic War // CPh. 1995. 90. 1. P. 16–31*: автор полагает, что греческий историк, считая римлян инициаторами войны, тем не менее поддерживал их, так как не осуждал агрессивные войны.

⁶ *Plut. Reg. et imper. apophthegm. 81. 5 = Mor. 200a; Amm. Marc. XXIV. 2. 16–17; Paus. VIII. 30. 5–8*.

гдашнем эллинистическом мире вообще и в Ахейском союзе в частности⁷. По преимуществу собственно эллинистическими, а не римскими реалиями вызвана, как кажется, и ностальгия историка по героическому прошлому, утраченным добрым нравам предков и тому подобным вещам⁸.

Кроме того, возражение вызывает у нас та точка зрения, согласно которой греческий историк в речах персонажей “Всеобщей истории”, где содержится критика римлян, выражает свои собственные взгляды (с. 194). При всем том, что есть серьезнейшие основания сомневаться в аутентичности данных речей, греческий историк, скорее всего, приписывал этим персонажам не свои собственные мысли, а то, что они должны были бы, по его мнению, говорить в той или иной ситуации. При этом вряд ли представляется случайным, что значительную часть антиримских речей во “Всеобщей истории” произносят этолийцы или македоняне, к которым Полибий вряд ли испытывал симпатию. Вообще же, по нашему мнению, при всей противоречивости своего отношения к римлянам, греческий историк в их экспансии в Восточном Средиземноморье видел если и не добро, то, во всяком случае, наименьшее зло и относительно действенное средство прекращения постоянной междоусобной борьбы эллинистических государств, для консолидации сил для защиты от варваров.

Для Полибия, уроженца Мегалополя, однозначного осуждения достойны те политические деятели, которые доводят отношения с Римом до открытого конфликта. Вообще, по нашему мнению, автор монографии несколько преувеличивает антиримский настрой Полибия. Критика греческим историком римлян за их отдельные проступки, неблагоприятные с его точки зрения, отнюдь не означает полного неприятия римской власти. Иначе с этой точки зрения к числу антиримски настроенных авторов может быть отнесен, например, и Тит Ливий, чья критика поведения римлян при взятии Сиракуз (XXV. 31. 11) была намного жестче Полибиевой (IX. 10. 1–14).

Итак, даже с учетом вышеперечисленных недочетов и спорных моментов, данная книга является безусловно полезной и интересной для всех, кто занимается проблемой взаимоотношений эллинистических государств и Римской республики и исследованием исторической мысли античности.

Е.Г. Тейтельбаум

⁷ Об аристократическом настрое Полибия и его отношении к социальным низам см. *Eckstein*. Op. cit. P. 129–140; *Walbank F.W.* Polybius’ Perception of One and Many // *Idem.* Polybius, Rome and the Hellenistic World. Cambr., 2002. P. 212–230; *Тарасенко С.Б.* Ахейские политические деятели в освещении Полибия // Уч. зап. Калининского педагогического ин-та. Калинин, 1971. Т. 62. С. 126 (эта статья переполнена штампами в духе вульгарно интерпретируемого марксизма, но тем не менее выводы автора о презрительном отношении Полибия к «черни» представляются нам в целом верными).

⁸ Более подробно об отношении к героическому прошлому в эллинистический период см. *Alcock S.* On the Heroic Past and the Hellenistic Present // *Hellenistic Constructs. Essays in Culture, History and Historiography* / Ed. by P. Cartledge, P. Garnsey, E. Gruen. Berkeley–Los Angeles–London, 1997. P. 20–34.